

ALLEGORICAL IMAGES OF M. Y. LERMONTOV: TO THE THEME OF THE WEST AND THE EAST IN THE LYRICAL WORKS OF THE POET

Koshemchuk Tatiana Alexandrovna^{1*}

Professor of Saint-Petersburg Agrarian University

St. Petersburg, Russia.

(date of receiving: July, 2022; date of acceptance: August, 2022)

Abstract

The article analyzes the use of allegorical images in the poetry of M.Y. Lermontov in connection with the theme of the West and the East. It is shown that the poet's appeal to the West, having passed through the stage of deep infatuation, ended in disappointment in the allegory of the poem "The Dying Gladiator". The appeal to the East and the desire to know its spiritual foundations was expressed in a number of allegorical poems of oriental themes. The article suggests the interpretation of the poet's images not in line with the romantic concept of personality, but in a culturosophical and historiosophical way, reveals Lermontov's concept in his cycle "East" – in a kind of Western-Eastern divan of the poet. This reading of poetic parables reveals the depth of Lermontov's historiosophy, his understanding of the tragic complexity in the interaction of the East and the North (in the poem "Dispute"), as well as his understanding of eastern wisdom (in the poem "Three Palm Trees"). As a result, it is shown that the theme of the East, while retaining its spiritual significance for the poet to the end, did not find a final solution in his poems.

Keywords: M.Y. Lermontov's Poetry, Allegory, Symbolic Images, West, East.

1. E-mail: koshemchukt@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-4606-2525

* Corresponding author

ИНОСКАЗАТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА: К ТЕМЕ ЗАПАДА И ВОСТОКА В СТИХАХ ПОЭТА

Кошемчук Татьяна Александровна^{1*}

Профессор, Санкт-Петербургский аграрный университет,
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: июль 2022 г.; дата принятия: август 2022 г.)

Аннотация

В публикуемой статье анализируется использование иносказательных образов в поэзии М. Ю. Лермонтова в связи с темой Запада и Востока. Показано, что обращение поэта к теме Запада, пройдя через стадию глубокого увлечения, завершилось разочарованием в иносказании стихотворения «Умиравший гладиатор». Обращение к теме Востока и стремление познать его духовные основания выразилось в ряде аллегорических стихотворений. В статье предлагается истолкование образов поэта не в русле романтической концепции личности, но в культурософском и историософском ключе, вскрывается лермонтовская концепция в его цикле «Восток» – в своего рода западно-восточном диване поэта. Такое прочтение поэтических иносказаний раскрывает глубину лермонтовской историософии, его понимание трагической сложности во взаимодействии Востока и Севера (в стихотворении «Спор»), а также его понимание восточной мудрости (в стихотворении «Три пальмы»). В итоге показывается, что тема Востока, до конца сохраняя свою духовную значимость для поэта, не нашла итогового разрешения в его стихах.

Ключевые слова: Поэзия М. Ю. Лермонтова, Иносказание, Символические Образы, Запад, Восток.

Введение

Притчевый общемировой образный арсенал несет в себе, вытекая из религиозных недр, неисчерпаемые проповеднические, просветительские, назидательные и иллюстративные потенции. Он также, перетекая в жанры собственно лирические, становится питающим источником для выражения поэтических идей философского характера, предоставляя материал для параллелизма мысли и поэтической картины. При этом иносказательные, аллегорические и символические, стихотворения в эпоху классицизма, европейского и русского, отвечали стремлению поэтов обрести прочные ценности, укорененные в разумном начале личности. Европейское самосознание, вспыхнувшее в эпоху Возрождения, в эпоху Просвещения стремилось опереться на рассудок, который несет в себе всеобщее начало, объединяющее всех в своих выводах и тем самым дающее высшую санкцию утверждаемым урокам мудрости. Подобные же функции выполняли притчевые образы и в восточной поэзии. Героями иносказательных стихотворений произносятся монологи и ведутся диалоги, и при этом эти самовысказывания различных сущностей мира (предметов, идей, существ) могут следовать реалистическим тенденциям, которые вполне уместны в европейских, в русских и в восточных аллегорических произведениях, когда толкуемая иносказательная ситуация встречи двух позиций предстает и как бытовая правдоподобная реальность. Но в аллегорических ситуациях эта ориентация на верность бытовым коллизиям может совершенно отсутствовать при доминировании философической установки: речь персонажа может стать своего рода открыто данным поэтико-философским кратким трактатом, отнюдь не обладающим качеством правдоподобия, но становящимся вербализацией определенной философски обусловленной позиции, и эти речи могут строиться не в русле реалистического образа, но по законам философского высказывания.

Иносказательные образы использовали не только поэты-нравоучители и просветители, но и поэты-романтики, выражая в них вполне оригинальные, личностные особенности выстраиваемого собственного поэтического образа. Рассмотрим подобного рода приемы в лирике М. Ю. Лермонтова – в ее особом тематическом разделе, который можно обозначить как его своего рода Западно-Восточный цикл – ряд стихотворений культурологического, точнее, культурософского содержания.

Основная часть

М. Ю. Лермонтов обращался многократно к иносказательным ситуациям, аллегорическим и символическим образам, создавая стройные, выверенные, краткие поэтические концепции, излагаемые от имени листка, или горы, утёса, птицы или иных земных сущностей. При этом поэт отнюдь не был склонен к рассудочной морализации басенного типа, но имел очевидные философские интенции уже в раннем творчестве, и предметом его осмысления становились не только основные вопросы жизни, но и история человеческой культуры в ее всеобъемлющем целом. В своих широких историософских и культурософских размышлениях поэт обращался к таким проблемам, как соотношение Запада (Европы в целом, главным образом – Италии и Шотландии), Севера (России), Востока (он же Юг – Кавказ как часть мусульманского мира и отчасти иные культуры Ближнего Востока – Святая Земля, Аравия и Персия). Мысли этого культурологического круга можно усмотреть в десятке стихотворений Лермонтова, и развивал он их чаще всего в иносказательной форме. В итоге он успел положить начало созданию своего Западно-Восточного дивана (можно так назвать этот цикл по аналогии с Гете), дав ему заглавие «Восток». В этих стихотворениях я выделяю две основных темы: культурософские образы Запада и Востока в стихах Лермонтова и Север в отношениях с Западом и Востоком. В этой статье пойдет речь о первой теме (отдельная статья будет посвящена второй).

Обращенность Лермонтова к восточной культуре основывалась не только на ее западных преломлениях – восточных отражениях в европейской литературе, но и на русских переводных переложениях из восточной поэзии. Его эпоха, с начала XIX столетия подарила ему не только переводческие успешные труды, но и расцветшие востоковедческие штудии в Европе и в России, охватившие и круги тех учебных заведений, где учился Лермонтов (Московский университет и даже гвардейскую школу), исторические дисциплины в них включали в себя историю Востока. Об этом подробно рассказано в замечательной статье «Лермонтов и культуры Востока» Л. П. Гроссмана (Гроссман 1941), исчерпывающе описавшего, с опорой на обучающие программы лермонтовского времени, эту эпоху в связи с восточной темой на Западе и в России. Из лирических сочинений поэта Гроссман в деталях рассматривает лишь стихотворение «Спор», иные же не затрагивает. Он обращается к поэмам и к прозе поэта – то же можно сказать и о других значительных статьях по теме: С. Н. Дурьлина (Дурьлин 1916), Ю. М. Лотмана (Лотман 1985) и А. С. Панарина (Панарин 2005). Еще раз подчеркну, что эти значительные работы лирику поэта не включают в рассмотрение.

Второй существенный фактор обращенности Лермонтова к Востоку – биографический. Исследователи жизни и творчества поэта, кажется, исчерпали все биографические аспекты западно-восточной темы, и здесь я коснусь из них лишь тех, что важны для историософских размышлений поэта. В них сказались теоретические интересы эпохи к судьбам России на фоне Запада и Востока, реализуемые уже в ранней славянофильской мысли. Собственная же судьба поэта обеспечила ему личную причастность к духовному миру мусульманского Востока – благодаря его кавказским впечатлениям:

Быть может, небеса востока
Меня с ученьем их Пророка
Неволью сблизили...

Подчеркну здесь именно мировоззренческий аспект: мысль поэта устремлена к *учению* Пророка. Уже в первом кавказском периоде Лермонтов в Тифлисе общался с азербайджанским просветителем М. Ф. Ахундовым – знатоком восточной духовной традиции, языков и литературы персидской, арабской; есть предположение, что именно Ахундов дал Лермонтову первые уроки «татарского», то есть азербайджанского языка, который, по словам поэта, «...вообще в Азии необходим, как французский в Европе» (Лермонтов 1959. 598) и на котором существовали религиозные тексты христиан и мусульман. Во второй ссылке знание «татарского» языка пригодилось Лермонтову, когда, волей его воинской судьбы, ему пришлось непосредственно столкнуться с восстанием Шамиля, третьего мюридского имама, который на Кавказе вел борьбу с «неверными». Важен здесь лермонтовский интерес к кавказскому мюридизму, разновидности суфизма, распространившемуся на Кавказе с 20-х годов XIX века. Эти интересы поэта отражались в его письмах, шуточных и серьезных. Приведу здесь три фрагмента, важных для моей темы. Так, о своем участии в названной военной кампании он пишет весьма легкомысленно, в тон общения с адресатом, А. Лопухину: «Завтра еду в действующий отряд на левый фланг в Чечню брать пророка Шамиля, которого, надеюсь, не возьму, а если возьму, то постараюсь прислать к тебе по пересылке» (Лермонтов 1959. 620-621). Вот начало еще одного шуточного письма Лермонтова к П. И. Петрову, говорящее об увлечении Востоком: «...приехав в Петербург после долгих странствований и многих плясок в Москве, я благословил, во-первых, всемогущего Аллаха, разостлал ковер отдохновения, закурил чубук удовольствия и взял в руки перо благодарности и приятных воспоминаний» (Лермонтов 1959. 599).

Во второй кавказский период Лермонтов уже хорошо говорил на «татарском» – это было одно из условий его вступления в отряд Руфина Дорохова, в котором были люди разные по национальности и религии, в том числе и «татары» – магометане. Этим отрядом он потом командовал после ранения Дорохова. Но мир Востока был объектом пристального рассмотрения Лермонтова не только в связи с войной, когда философия противника, мусульманский бытовой фатализм, оказалась созвучна человеку войны: «...Я жизнь постиг; / Судьбе как турок и татарин, / За все равно я благодарен; / У Бога счастья не прошу / И молча зло переношу...». Заботы войны при этом, как он пишет в стихотворении «Валерик», уводят от жизни мысли: «Все, размышлению мешая, / Приводит в первобытный вид / Больную душу: сердце спит / Простора нет воображенью... И нет работы голове...» Зато... – дальше пишет Лермонтов – созерцание, погруженность в жизнь отмечает ярко в душе все черты происходящего. И впечатления этой жизни на Востоке и интерес к самой сущности восточной жизни захватили Лермонтова глубоко. Он стремился к корням мусульманской религии и культуры: **«Я уже составлял планы ехать в Мекку, в Персию...»** – писал он С.А. Раевскому (Лермонтов 1959. 598). О том же говорят еще два свидетельства. Б. М. Эйхенбаум писал: в мае 1840 года по пути на Кавказ Лермонтов в Москве общался с А.С. Хомяковым и Ю. Ф. Самариним, и «его живо интересовали начавшиеся тогда споры вокруг вопроса о культурах Запада и Востока» (Эйхенбаум 1959. 786). Краевский А. А. передает слова Лермонтова: **«Я многому научился у азиатов, – сказал он, – и мне бы хотелось проникнуть в таинство азиатского мирозерцания, зачатки которого и для самих азиатов и для нас еще мало понятны. Но поверь мне, там, на Востоке, тайник богатых откровений»** (Попов 1954. 156).

Попытки проникновения в таинства восточной духовности предприняты Лермонтовым в его лирике. Обычно стихотворения, о которых далее пойдет

речь, интерпретировались в романтическом ключе – как иллюстрирующие характер «лермонтовского» человека, говорящие о таких чертах, как одиночество, конфликт с миром, скитальчество, что представлено в «Лермонтовской энциклопедии» (Лермонтовская энциклопедия, 1981). Но стоит прочесть иносказательные стихотворения Лермонтова и иначе: в историософском и культурософском ключе. Подтверждают эту необходимость слова А.С. Панарина, который характеризует творчество Лермонтова как «пресеченную попытку великого синтеза» (Панарин 2005. 96) и пишет об оси Запад-Восток: «Сначала поиски своей тайной идентичности приводят его на Запад. Вялая меланхолия русских равнин — срединного места между мировыми геополитическими полюсами – его не устраивает, и он мечтает о вольной океанической дали атлантизма... <...> Каким образом маятник его оппозиционности круто качнулся с Запада на Восток? Здесь кроется, по-видимому, одна из наиболее важных проблем лермонтоведения. Литературоведческое вопрошание здесь тесно переплетается с историософским» (Панарин 2005. 92). Восток и Запад описаны философом как два искушения для русской души, которой предстоит, пройдя через оба, вернуться в русло собственных ценностей, изжив и западное демоническое начало, и восточное нирваническое.

С. Н. Дурылину хотелось видеть финальной точкой лермонтовской историософской мысли – Россию, Север как синтетический образ после обольщения Западом и увлечения Востоком; об этом говорил и А. С. Панарин как об исходе из этих противопоставлений: примирить и завершить тему Востока могла бы Личность непонятого им Христа, приятие Его могло бы стать исходом. Но стихи поэта не подтверждают этого исхода, чаемого русскими мыслителями, стремящимися «продолжить» Лермонтова, но преодоление западничества, «атлантизма», действительно звучит в стихах, несущих культурологические размышления о Западе.

Запад жил в сознании поэта яркой мечтой, вызванной связью с отцом, с Шотландией – этот любимый им мир был исполнен поэзии и вдохновлял поэта, о чем говорит и ранний «Романс» («Коварной жизнью недовольный...»), – о движении по оси Север («снега и вихрь зимы холодной») – Запад («Италия златая», «скалы» Гельвеции, Рим). И еще ярче – стихотворение «Желание»:

На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный покоится прах.

Старые щит и меч, шотландская арфа – эти атрибуты рыцарского мира Европы отмечены поэтом как знаки его пристрастия к своей далекой европейской «отчизне». Поэт описывает свое стремление – полететь из степей России («ворон *ст епной*»), подобно ворону, через разделяющие просторы – в свою «отчизну»: этим словом обозначен здесь Запад, а не родной Север. Север же чужд: он, поэт, «последний потомок отважных бойцов», рыцарей – лучшего, что дала европейская культура, мог бы «смахнуть пыль» с меча и щита и мог бы «задеть» струны арфы. Но он «умирает среди *чуждых* снегов», где он пусть и рожден, но душой – «нездешний», и снега Севера поэту *чужды*, а Запад – родной и недоступный.

Но Запад ушел из мыслей поэта, о чем говорит стихотворение «Умиравший гладиатор», подведшее черту под этой жизненной темой. Отмечу в «Умиравшем гладиаторе» значимую для культурософской темы подробность (оставя в стороне «романтические» интерпретации). Здесь аллегория Европы – умирающий на потеху толпе гладиатор, и эта ситуация описана Лермонтовым с установкой на исторически точное воссоздание картины смерти на арене римского Колизея. Далее впрямую о Западе идет

речь во второй части, начинающейся сопоставительным «Не так ли...». Гладиатор умирает, измученный – и здесь значимо каждое слово в сгущенной лермонтовской мысли – «в борьбе сомнений и страстей». Такова судьба Запада – провести свое «Я» через *сомнения* в духовной сфере и через *страсти* в сфере души. В осмыслении Лермонтова Запад не выстоял в борьбе с этими искушениями, «бесславно» погибает – «без веры, без надежд», не обретя эти духовные («вера») и душевные («надежда») ценности, проведенные через стадию отрицания. Умирающий Запад, подобно гладиатору, обращен к своим лучшим воспоминаниям молодости – Лермонтов отмечает лучшее, что видит в мире Запада: «рыцарских времен волшебные преданья». Подобно тому как гладиатор вспоминает оставленную родину и семью, так угасающий Запад обращен к миру своего Средневековья, который был воспет в эпоху романтизма как «юность светлая», как молодость стареющей культуры. Но и это увлечение, саму обращенность к своему лучшему перед своим концом, Лермонтов развенчивает здесь, обращаясь к Западу:

Ты жадно слушаешь и песни старины
И рыцарских времен волшебные преданья –
Насмешливых льстецов несбыточные сны.

Да, здесь именно развенчание самого цветения европейской культуры, прекрасных идеалов рыцарства, которые предстают в версии Лермонтова как коварная, хоть и прекрасная *лесть* западной культуры самой себе. А ведь этой рыцарской мечтой был одушевлен и сам поэт! Эта мечта, оказавшаяся *лестью* *ивым сном*, влекла его, в ней он видел «отчизну» своей души, к ней когда-то стремился – «на запад», к рыцарственной родине предков. Но она жестко развенчана и оставлена навсегда. Именно об этом говорит иносказание «Умирающего гладиатора».

И одновременно с оставлением Запада поэтом обретается глубокое увлечение духовным миром Востока. Параллельно развивается в его стихах и

ярко звучит любовь к «милому» Северу, «странная» любовь к Отчизне – к ее просторам и христианским ценностям. (Последнее – иная тема, о которой много сказано и в XX веке, и современными исследователями и о которой речь пойдет в следующей статье.)

Восток, он же Юг в стихах поэта, как высокая духовная ценность выражается в ряде иносказательных стихотворений. Культурософские темы влекут поэта к универсальным поэтическим образам из единого арсенала мировых культур, из простейшего контекста бытия: дерево, небо, туча, река, гора, птица. Так, между двумя горами ведется аллегорический диалог в стихотворении «Спор». Как известно, гора в мировой культуре – символ жизненной и духовной высоты, высочайших откровений. У Лермонтова речь идет о двух из главных вершин Кавказа, это Казбек и Шат (Эльбрус). Эльбрус – высочайший пик Кавказа – впервые была покорена русскими в 1829 году, что воспринималось как человеческое одоление вечных неприступных снегов, ангельских высот, созданных не для человека, – и это цивилизационное, внерелигиозное деяние, духовное посягательство на неприкосновенное ранее. На Казбек много позднее первое восхождение совершили англичане. И речь идет у Лермонтова о непокоренном Казбеке как о крайней, дальней и дикой пока точке Востока.

О стихотворении «Спор» более, чем о других, писали исследователи: Казбек находится между двумя мирами, это неподвижный, спящий Восток, не опасный для него, и молодая, динамичная Россия, которая подчинит себе его, внеся искажение в его мир (неизбежность воздействия цивилизации на первозданный природный мир) – и Казбек принимает эту неизбежную и двойственную участь, засыпая навек в неподвижности. Акцентирую, в добавление, несколько историософских нюансов стихотворения. Прежде всего географически: видят ли эти горы друг друга? Да, если смотреть с вершины Казбека, то вдали на западе отчетливо виден ослепительно-белый пологий

конус Эльбруса. Лермонтов не созерцал сам эту картину, но его воображение возносится к большой кавказской цепи и охватывает ее на огромных просторах – от Казбека (восточная часть хребта) до Эльбруса (центральная часть). В иносказательном диалоге гор надо подчеркнуть – трагизм происходящего:

В глубине твоих ущелий
Загремит топор,
И железная лопата
В каменную грудь,
Добывая медь и золото,
Врежет страшный путь.

Здесь речь идет не о покорении вершин духа, но о прагматической и суетной человеческой деятельности, о «*ст рашном* пути» цивилизации, орудия которой, весьма приземленные и примитивные, – это *т опор* и *лопат а*. Эту опасность несут природному миру две цивилизации. По первому предположению Шат-горы, огромный восточный мир может захватить Казбек, и уже сделаны первые шаги: по горе «проходят караваны» (речь идет, вероятно, о Военно-грузинской дороге). «Люди хитры», и одно завоевание повлечет следующее – предупреждает старый Шат. Но Восток не опасен, не он будет покорителем Казбека. Далее в стихотворении указанное Шатом и созерцаемое Казбеком вдали – это главная историософская проблема: символическое шествие русских полков по равнине «прямо на восток» описано в трагических тонах. Оно «страшно» медленное, «как тучи», «шумное», «как поток», с точки зрения горы обозначено как враждебное, вражеское, русские – прямо: «враги», которых не счесть. Их видит Казбек – «угрюмый», с «грустным» взором. И – самая трагическая нота в видении Казбека: «...томим зловещей думой, / Полный черных снов...». *Зловещие*

думы и *черные* сны кавказской вершины – это шествие русских полков, и созерцание его венчается – вечным молчанием: «...навек затих», закрывшись облачной «шапкой». Что в этом жесте? Отстранение от созерцания дальнейшего и неизбежного? Отказ видеть и оценивать? Вечное молчание. Здесь яркая трагическая нота – обреченность.

В «Споре», прочитанном как культурософское размышление, утверждается не просто гибельность цивилизации для природы и не просто молодость России. Описано ее шествие – для нее самой – как бодрое и неустранимое, как неостановимое движение молодой культуры по сужденному ей пути. Это не благой и победный марш ее, но и сам по себе он *ст рашный*, грозный, бодрый и неостановимый, как стихия. И, сам того не зная, для Казбека – он несет трагедию. И какой контраст с лермонтовским же описанием пришествия России в Грузию: «И Божья благодать / Сошла на Грузию, она цвела <...> / За гранью дружеских штыков». Конечно, здесь не только сочувствие Лермонтова «покоренной вольности», которая олицетворяется Казбеком (о чем пишут исследователи), не только утверждение «прогрессивного» влияния русской экономики и культуры (этого вовсе нет в стихотворении), не просто «сложность». «Поразительная геополитическая и историософская впечатлительность» (Панарин 2005. 98) Лермонтова показывает глазами Казбека – «сложность» трагическую: неизбежность поражения горы, то есть самого кавказского мира, которому придется замереть в неподвижности, невидении и немоте.

Кавказу приходилось не выбирать ориентиры (Север или Восток), но подчиниться исторической неизбежности. Умение поэта встать на чужую точку зрения и с симпатией оценивать историософские коллизии глазами иной культуры – отличительная черта лермонтовской «историософской впечатлительности». Поэт описал судьбу Казбека – самого ближнего к нам мусульманского Ближнего Востока. Как же он оценивал в конечном итоге эту

судьбу и как оценить нам эту неразрешимую механистичность и губительность шествия Севера... С. Н. Дурылин пытался разрешить ее так: в этой поэме «религиозного, космологического и антропологического содержания» русский человек оказывается «западным человеком» (Дурылин 1916. 124), то есть как бы «страшное» в ней возводится к «западному» в России... Впрочем, Дурылин не может дать ответа, как разрешится этот великий спор, что принесет Россия Востоку: «Захочет ли она убить Восток Западом <...>, сможет ли привести и Восток, и Запад к Одному, Кто равно вмещает в свою благодатную полноту и человека, и природу?» (Дурылин 1916. 127). Замечу, что и эта альтернатива, и ответ на вопрошание, увы, находятся за пределами лермонтовского стихотворения – этого недоговоренного, и можно сказать: не продуманного до конца философского иносказания, не ставшего у Лермонтова завершенной концепцией. Мы могли бы ждать этого лермонтовского решения в будущем, но оно не было ему дано.

Теперь о Востоке самом по себе у Лермонтова: какую мудрость дает он? Это можно увидеть в «восточном сказании» о трех пальмах, в стихотворении, всецело обращенном к Востоку. Обычно интерпретаторы говорят о наказании за ропот на Бога как центральной идее стихотворения. Так, В.А. Котельников дает емкую и лаконичную версию: «Поэт утверждает мысль о трагической судьбе всего живого: в тварной природе (и, значит, в человеке, который подразумевается в образе пальм, живущих в бесплодной пустыне этого мира лишь по благоволению Бога) пробуждается противление Божьему миропорядку – тогда совершается возмездие и гибельный конец оказывается необратим» (Котельников 2020. 24). В том же ключе читаем в статье иранских исследователей: «Подобно трем пальмам, человек тащит себя в бездну небытия из-за отсутствия правильного понимания причин мироздания. Все доступно человеку, но он не ценит тех благ, которые дал ему Бог» (Яхьяпур, Садеги-Сахлабад 2017. 148)

Добавлю к этой основной концепции некоторые культурософские нюансы в рамках моей темы. Какова здесь картина восточного мира? Его сущности, пальмы и ручей, живут в суровом мире, сохраняя гармонию роста и цветения: ручей питает пальмы, пальмы защищают ручей от зноя. Но при приближении конца, естественной смерти пальм, пробуждается то, что в европейском мире названо было бы самосознанием: к закату своему пальмы думают о смысле своего бытия, о жизни без пользы («без *пользы*» росли) и без радости для других (ничей «*не радуя* взор...»). То есть о земной задаче жизни, о смысле земном. Ропот на Бога здесь именно из-за отсутствия в их судьбе земного благого деяния, в бессмысленности долгого существования – по «святому приговору», предопределению Божьему, которое с возникновением вопроса о смысле жизни делает «неправым» просто существование на земле для себя. И вот по воле небес сознательное желание блага не для себя, а для других, – исполняется: пальмы согрели людей в холодной пустынной ночи, ручей их напоил. Они должны быть довольны и не жалеть о конце своей жизни – и сказание не говорит нам об их ропоте на то, что за поволенное ими деяние им пришлось отдать жизнь. Но... жестокость, на них обрушившаяся, описанная с точки зрения внешнего наблюдателя, далее становится главной темой стихотворения. Ни с точки зрения пальм, ни пришедшего каравана – жестокости не было. Мир людской в ситуации стихотворения не жесток, но прагматичен и бездумен: это веселый, энергичный мир торгового Востока (описанный с явным любованием), с его молодечеством и с женской прелестью. Никто не хотел жестокости – но именно пользы: тепла, ночного огня в пустыне, воды. Но гибель пальм описана именно как жестокость и даже как мучительство: «одежду сорвали», тела «были изрублены», их «медленно жгли огнем».

Повтор эпитетов в композиционном кольце подчеркивает: бесплодность почвы, но вместо «холодной» воды ручья – «холодный» пепел. И полное

исчезновение былой гармоничной жизни (ветер разнес пепел), которая до последнего своего часа жила лишь волей Творца – но пожелала своего людского. И добавочная жесткая деталь в финале: над этой картиной опустошения коршун добычу «терзает и щиплет»... Так губительно оказывается самосознание, порождающее жажду добра и действия ради земного устройства: оно дает в земном мире минутное и преходящее благо, но делает мир беднее, чем он был бы, существуя он только для Бога, без своего рода «грехопадения». Так восточное сказание обесценивает то, что предельно значимо для человека Запада: самосознание, порождающее жажду дела, добра, действия ради земной жизни. Поиск цели бытия разрушил долгий сон, течение столетий, самую гармоничную, но сонную и бессознательную жизнь. Иллюзорность и губительность всего того, что вне Бога, – это в иносказании о Востоке показывает Лермонтов, воспроизводя предание, вникая в его смысл и подчеркивая его яркими символическими деталями. Принимает ли сам поэт эту мудрость? По крайней мере, он видит в ней нечто существенное для восточной духовности. Далее можно было проследить ход лермонтовской мысли в стихотворении о дубовом листке – страннике Севера, стремящемся в мир Востока. Но это тема следующей статьи.

Заключение

Северная человеческая душа, живущая между полярностями Запада и Востока призвана познать их обе, первую по факту рождения в России, части Европы, по строю воспитания и образования, а в случае Лермонтова еще и по причине семейных корней, уходящих в глубины европейской истории. Лермонтовское решение этой первой задачи очевидно: на фоне прекрасного знания европейской культуры, языков и литературы, пристрастие к Западу, ярко пережитое, Лермонтовым оставлено, о чем свидетельствует стихотворение «Умирающий гладиатор». Обращение к Востоку – вторая задача, и для

обращения к ней нужны особенные обстоятельства жизни (они у Лермонтова налицо – Кавказ как ближний мусульманский восточный мир занимал в его жизни важное место) и широта культурных интересов и мыслительного охвата мирового целого. Осмысление Востока Лермонтовым не пришло к конечному итогу, как показывают его иносказательные стихи, и в них вместе с темой России встает ось Север – Восток как следующая проблема.

Литература

- 1- Гроссман Л. П. (1941). *Лермонтов и культура Востока* // Литературное наследство. Т. 43. С. 673-744.
- 2- Дурылин С. Н. (1916). *Россия и Лермонтов. (К изучению религиозных истоков русской поэзии)* // Христианская мысль. Киев. Кн. 2 (февр.). С. 137-150; Кн. 3 (март).
- 3- Котельников В. А. (2020). *Ближний Восток в русских литературных произведениях 1750-1850 гг.* // Исследовательский журнал русского языка и литературы. Том 8. № 1 (15). С.11-33.
- 4- Лермонтов М. Ю. (1959). *Сочинения в 4 томах. Т. 4.* М.-Л. : издательство АН СССР. 826 с.
- 5- *Лермонтовская энциклопедия* (1981). Гл. ред. Мануйлов В. А., М. : Сов. Энцикл. 746 с.
- 6- Лотман Ю. М. (1985). *Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова* // Лермонтовский сборник. Л. С. 5-22.
- 7- Панарин А. С. (2005). *Завещание трагического романтика* // Панарин А. С. Русская культура перед вызовом постмодернизма. М. : ИФ РАН. С. 61-111.
- 8- Попов А. В. (1954). *Лермонтов на Кавказе.* Ставрополь, Ставропольское книжное изд-во. 222 с.
- 9- Эйхенбаум Б. М. (1959). *Михаил Юрьевич Лермонтов. Очерк жизни и творчества* // Лермонтов М.Ю. Сочинения в 4 томах. Т. 4. М.-Л., издательство АН СССР. с. 751-793.
- 10- Яхьяпур М., Садеги-Сахлабад З. (2017). *Михаил Лермонтов и мир Востока.* 2-е изд. Тегеран: изд-во «Пажухешгах улум енсани ва моталеат фарханги». 240 с.

Bibliography

- 1- Grossman L. P. (1941). *Lermontov i kul'tury Vostoka* // Literaturnoe nasledstvo. T. 43. S. 673-744.
- 2- Durylin S. N. (1916). *Rossija i Lermontov. (K izucheniju religioznyh istokov russkoj poezii)* // Hristianskaja mysl'. Kiev. Kn. 2 (fevr.). S. 137-150; Kn. 3 (mart).
- 3- Kotel'nikov V. A. (2020). *Blizhnij Vostok v russkih literaturnyh otrazhenijah 1750-1850 gg.* // Issledovatel'skiy zhurnal russkogo jazyka i literatury. Tom 8. № 1 (15). S.11-33.
- 4- Lermontov M. Ju. (1959). *Sochinenija v 4 tomah*. T. 4. M.-L. : izdatel'stvo AN SSSR. 826 s.
- 5- *Lermontovskaja jenciklopedija* (1981). Gl. red. Manujlov V. A., M. : Sov. Jencikl. 746 s.
- 6- Lotman Ju. M. (1985). *Problema Vostoka i Zapada v tvorcheestve pozdnego Lermontova* // Lermontovskij sbornik. L. S. 5-22.
- 7- Panarin A. S. (2005). *Zaveshhanie tragicheskogo romantika* // Panarin A. S. Russkaja kul'tura pered vyzovom postmodernizma. M. : IF RAN. S. 61-111.
- 8- Popov A. V. (1954). *Lermontov na Kavkaze*. Stavropol', Stavropol'skoe knizhnoe izd-vo. 222 s.
- 9- Jejhenbaum B. M. (1959). *Mihail Jur'evich Lermontov. Oчерk zhizni i tvorchestva* // Lermontov M.Ju. Sochinenija v 4 tomah. T. 4. M.-L., izdatel'stvo AN SSSR. s. 751-793.
- 10- Jah'japur M. (Yahyapour M.), Sadegi-Sahlabad Z. (2017). *Mihail Lermontov i mir Vostoka*. 2-e izd. Tegeran: izd-vo «Pazhuheshgah ulum ensani va motaleat farhangi». 240 s.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Koshemchuk, Tatiana Alexandrovna (2022). ALLEGORICAL IMAGES OF M. Y. LERMONTOV: TO THE THEME OF THE WEST AND THE EAST IN THE LYRICAL WORKS OF THE POET. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 10(2), 57–75.

DOI: 10.61186/iarll.20.57

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/244>

شخصیت‌های تمثیلی م. یو. لرمانتف: موضوع غرب و شرق در اشعار شاعر

تاتیانا الکساندراونا کاشمچوک^{*1}

استاد دانشگاه کشاورزی سن پیتربورگ،

سن پیتربورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژوئیه 2022، تاریخ پذیرش: اوت 2022)

چکیده

مقاله حاضر به بررسی و مطالعه استفاده از شخصیت‌های تمثیلی در اشعار لرمانتف از دریچه موضوع «غرب» و «شرق» می‌پردازد. نتایج حاصل از پژوهش نشان می‌دهد شاعر پس از گذر از علاقه عمیق خود به موضوع غرب، در نهایت در تمثیل شعر «گلادیاتور محتضر» از این موضوع ناامید و مأیوس می‌شود. پرداختن به موضوع شرق و تلاش برای شناختن ارزش‌های معنوی آن در برخی از اشعار تمثیلی شاعر مشهود است. این مقاله تفسیر شخصیت‌های شاعر را پیشنهاد می‌کند اما نه از منظر شخصیت رمانتیک شاعر، بلکه از منظر فرهنگی-فلسفی و تاریخ‌شناسی، جایی که بینش و نگرش لرمانتف درباره موضوع «شرق» - در دیوان غربی-شرقی شاعر آشکار می‌شود. چنین خوانشی از تمثیل‌های شاعرانه، عمق تاریخ‌شناسی لرمانتف، درک او از پیچیدگی تراژیک در تعامل بین شرق و شمال (در شعر «بحث»)، و همچنین درک او از حکمت شرقی (در شعر «سه نخل») را آشکار می‌کند. در پایان نشان داده می‌شود که موضوع شرق با حفظ اهمیت معنوی خود برای شاعر، هرگز در اشعار او به نقطه پایانی نرسیده و خاتمه نیافته است.

واژگان کلیدی: اشعار م. یو. لرمانتف، تمثیل، شخصیت‌های نمادین، غرب، شرق.

1. E-mail: koshemchukt@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-4606-2525

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی - پژوهشی